

Русская старообрядческая литература XVIII в. по-своему развила эту мысль о трех виноградных лозах. В сборнике библиотеки Саратовского университета, № 2128, конца XVIII—начала XIX в., после л. 47, вклеен маленький листочек, на котором скорописью второй половины XVIII в. написан следующий текст: «Виноградная лоза три кисти носит: первую — увеселения, вторую — буйства, а третью — раскаяния. Еврейские раввины пишут, что Ной насадил виноград, взял кровь из совы, из обезьяны и из льва и поливал оною виноградные лозы, от чего произошло, что когда люди бывают пьяны, то некоторые, уподобившись сове, всю ночь просиживают, шумят и дерутся, другие бывают смешны, как обезьяны, а третьи видом и свирепством льву уподобляются».

Среди многочисленных поговорок на тему о воздействии вина на человека Даль записал целый рассказ о десяти чарках: «Первую пить — здраву быть, вторую пить — ум повеселить, утроить — ум устроить, четверту пить — неискусну быть, пятую пить — пьяну быть, чара шестая — мысль будет иная, седьмую пить — безумну быть, к осьмой приплести — рук неотвести, за девятую приняться — с места не подняться, а выпить чарок с десять — так поневоле взбесят» (стр. 797—798). Как видим, и здесь, как в «слове» св. Василия, первые три чарки даже полезны.⁴⁵ Есть у Даля и краткий вариант: «Чарку пить — здорову быть, повторить — ум развеселить, утроить — ум устроить, много пить — нестройну быть». Есть и еще более короткие варианты, по-книжному ограничивающие число чарок тремя: «Первая чарка крепит, вторая веселит, а третья морит», или: «Одна рюмка на здоровье, другая на веселье, третья на вздор»⁴⁶ (Даль, стр. 797).

II

Мы отобрали из древнерусских сборников афоризмов и из учительной литературы материалы, характеризующие взгляды на внутренний мир человека и его взаимоотношения с окружающими. Были отобраны те материалы, в которых этические и психологические представления человека выражаются независимо от их религиозной мотивировки и которые одновременно сохраняли свое воздействие вплоть до наших дней. Широкую распространенность этих представлений, оценок и требований можно доказать разными путями: найти их слегка измененные варианты среди устных пословиц, записанных в конце XVII—XIX вв.; указать на современное литературное употребление многих из них; установить, что, независимо от книжных источников, в народной пословичной традиции возникали и веками жили аналогичные представления, моральные оценки и требования.

в неистовства Афродиты и получает посвящение в таинствах распутства. ... есть еще третья гроздь, и над ней-то уместнее тебе излить свое сострадание и скорбь, потому что эта чаша делает того, кто ее пьет, невольником, поработленным Спесью, и извергает его из общества свободных людей в рабскую долю» (Басни Эзопа, стр. 193).

⁴⁵ С незначительными словарными отличиями П. И. Мельников-Печерский включил эту серию поговорок в застольную речь купца-старообрядца в романе «В лесах» (книга вторая, М., 1955, стр. 413).

⁴⁶ В отличие от этих вариантов, все же признающих вредное действие третьей чарки, есть у Даля пословицы, полностью оправдывающие любое число чарок-рюмок: «Первую как свет, призвав друга в привет; вторую перед обедом — с ближним соседом; третью — с молодцами, пополудни, и то в праздник, а не в будни»; «Одну выпьешь — боишься, другую выпьешь — боишься, а как третью выпьешь, уж и не боишься»; «Первая рюмка колом, вторая соколом, а остальные мелкими пташками» (стр. 798).